

Веч. Ленинград. —
1987. — 21 мая

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Сюжет для небольшого рассказа

В АКТЕРСКОЙ судьбе не часто бывает, что яркий дебют определяет весь дальнейший путь. Чаще — блеснет талант звездочкой и растает в одноцветье будней. Но вот перед нами творческий путь Эры Зиганшиной. Дебют на сцене Театра имени Ленинского комсомола — Нелли в «Униженных и оскорбленных» по Ф. Достоевскому. Роль эта сегодня, спустя 22 года, представляется не просто счастливым началом — предначертанием. Та мера проникновения в глубины души человеческой, которой потребовал дебют от актрисы, сохранилась и в ролях последующих. Вспомнивая героинь Зиганшиной от Маленькой разбойницы в фильме «Снежная королева» до Марты в «Фаусте», я не найду неинтересных, ординарных. Но главными оказались те, что подсвечены первым светом, что мерцал в девочке из петербургского угла. Без опыта Достоевского невозможно представить Любу в телеспектакле «Перед бурей» (в этой работе по пьесе М. Горького «Последние» юной актрисе посчастливилось быть партнершей Н. К. Симонова) — маленькую зверьку, следаемого любовью и ненавистью. Потом были Мария («Деньги для Марии» до В. Распутина), Катя («С любимыми не расставайтесь» А. Володина), Софья («Последние»), Ирен Гофман («Процесс») — и в глубине души каждой не гас потаенный огонь, редкими всполохами прорывавшийся наружу.

Но два десятилетия на сцене не были для Зиганшиной варьированием одной темы, одного характера. Это был путь по восходящей. Ником мастерства и вдохновения стала роль, решительно выбивающаяся из логического ряда. — Аркадина в чеховской «Чайке» — последнем спектакле Г. Опоркова, поставленном на Малой сцене Театра имени Ленинского комсомола. С той поры, когда мы узнали другую, чем все прежде, Аркадину и другую Зиганшину, минуло 4 года. И после смерти режиссера спектакль жил, волновал, потрясал. Но год от года игрался все реже. А вот теперь и вовсе, угас. Один за другим из театра и из «Чайки», словно из Прощальной симфонии Гайдна, уходили актеры: А. Петров, В. Яковлев, А. Маэков... И вот ушла Зиганшина.

— Смерть Геннадия Михайловича Опоркова застала нас на высшей точке. Для него с

постановкой «Чайки» начался период осмысления жизни, внедрения в действительность. Осталось буквально несколько шагов до мудрости... И мы тоже вместе с ним начали кое-что понимать в жизни, в искусстве. Он разрыхлил почву, из которой уже начали пробиваться первые ростки. Это было некое общее становление — и человеческое, и профессиональное. Он поднял нас, актеров, которые вместе с ним строили театр, на огромную высоту художественного мышления, творческой фантазии... и умер. Этот момент мы ощутили как катастрофу. «Чайка», наш последний и лучший спектакль, как бы продлила его жизнь, но ненадолго. Все, что объединяло нас, стало как-то отходить на задний план. Мы, составлявшие ядро театра, начали разобщаться, отдаляться друг от друга. Творческие ценности вдруг уступили место житейским реалиям. Мы вспомнили про зарплату, про то, что нам за сорок, что сверстники в других, академических театрах уже имеют звания, общественное положение... Оказалось, что период творческого горения завершен. Мы вступили в этап, далекий от творчества. И каждый сам в одиночку должен был «переболеть», справиться с ситуацией, к которой не был подготовлен...

Я слушаю Эру Гарафовну, взглядываю в тонкое, нервное, усталое лицо актрисы, а перед глазами неотступно стоит давно уже не виденная «Чайка». Так вышло, что Опорков поставил свой последний спектакль о Творчестве, о Театре. Но, подводя итог своим раздумьям, анализируя накопленный опыт, он сочинил не реквием. Его спектакль был глубоко драматичным, но полным надежды. Он был о вечном служении Искусству, о том, что не рвется связь времен, что преемственность не-

зыблема. Недаром так потрясюще двойлся образ Актрисы, не случайно столь схожи были Аркадина (Э. Зиганшина) и Заречная (Н. Попова)...

Что случилось с Театром имени Ленинского комсомола? Почему из него уходят не просто случайные люди — «могикане»? Мне могут ответить: мол, естественный процесс, в театр пришел новый главный режиссер, его право — создавать коллектив заново, перестраивать репертуар. С этим трудно спорить. Но хочется разобраться: почему уходят лучшие? Ведь за последние два года из театра ушло двадцать актеров. Почему заботы о творчестве сменились хлопотами о заполняемости зала? Загрелела музыка, герои затанцевали и запели: дискотека царит в «Тамаре», аэробика — в «Оводе», карнавал — в «Женитьбе Белугина». На Малой сцене вместо «Чайки» появились тоже не лишние мишурного блеска сцены из заграничной жизни — «Кто бонитс Вирджинии Вулф?» Э. Олби и «Бабочка... Бабочка» А. Николая. Слово мираж возникает на этом фоне «Чайка» — колдовское озеро за частоколом из тяжелых досок...

— Я очень скучаю по «Чайке». Мы играли ее редко, и я не успела войти в роль настолько, чтобы получать удовольствие. Кажется, еще 5—6 спектаклей, и буду играть не просто на крыльях вдохновения... Еще чуть-чуть, и было бы произведение искусства... Это был спектакль про наше поколение, о том, чего каждый из нас — как артист, как гражданин, как мужчина и женщина, мать, сын — стоит. Все, что есть в человеке, было затронуто. И диалог со зрителем пошел о главном... На высочайшей ноте это оборвалось. Но дело не в том, кто сменил Опоркова, а в том, что достигнутому уровню со-

ответствовать чрезвычайно трудно.

Сюжет был небольшого рассказа: был театр, был коллектив, а потом все рассыпалось. И мудрость сменилась житейской смелостью, а забота о главном — хлопотами о множестве мелочей, суетой. Надо ли искать виноватых? Виноваты все, кто не удержался на высоте, заданной «Чайкой», — и те, кто унизился до неискренности, и те, кто ушел с гордо поднятой головой, кто вдруг из члена сообщества, содружества превратился в одиночку, ищущего, где лучше. Неужели не жаль оставлять родные стены?

— Жаль? Ничего не жаль, кроме невозвратимого периода жизни.

Кто-то теряет, кто-то находит. Зиганшину нашел Театр комедии Юрий Ефимович Аксенов пригласил ее в труппу. Сейчас актриса репетирует одну из главных ролей в ближайшей премьере — пьесе О. Сосина «А что на дне коллода...». Впереди — работа в булгаковской «Зойкиной квартире».

— В Театре комедии взрослые, серьезные, спокойные актеры. Взрослая публика, совершенно иная, чем в Театре имени Ленинского комсомола.

С точки зрения жанра сейчас комедия и трагедия в чистом виде, можно сказать, не встречаются. Это меня как драматическую актрису утешает. Репетировать мне интересно: новые партнеры, новая атмосфера. Помогает то, что вместе со мной репетирует Владимир Рожин, с которым мы вместе пришли в эту труппу. И с режиссером спектакля Александром Бельским мы уже работали — играли в его дипломном спектакле «Наперегонки с луной». Я очень благодарна молодому режиссеру за то, что он уговорил нас делать ту самостоятельную работу — даже если она не получит в дальнейшем сценической судьбы. Надо работать — чем больше, тем лучше, чтобы поддерживать чувство, что все идет нормально, что все к лучшему... Вот и сейчас получила предложение из драматургической лаборатории — играть в спектакле «Дорогая Елена Сергеевна». Соглашусь.

«Я теперь знаю, понимаю, что в нашем деле — все равно, играем ли мы на сцене или пишем — главное не слова, не блеск, не то, о чем мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни». Это уже слова не Эры Зиганшиной, а чеховской Чайки. Но как похоже, не правда ли? В нынешнее рациональное, стремительное время, особенно подкупает подобное бескорыстное желание служить призванию. Не зарабатывать, а играть. Играть во что бы то ни стало. В связи с этим наша ностальгия по той опорковской «Чайке» кажется странной. Почему мы тоскуем и стенаем, подобно чеховским героям, о том, до чего — ручной подат? Ведь все актеры, хоть и разбрелись по разным театрам города, но живы-здоровы. Теперь, когда идет театральный эксперимент, неужели невозможно вновь вдохнуть жизнь в этот любимый многими, но так недолго и не слишком счастливо живший спектакль? Почему бы актерам не встретиться снова на «нейтральной территории», чтобы опять заговорить о главном — о жизни человеческого духа?

Е. АЛЕКСЕЕВА

□

На снимке: Эра Зиганшина.

Фото Ю. БОГАТЫРЕВА